

Из архива автора

ляются игрушечными рассказанные истории и биографии (ведь экспедиции имеют свойства заканчиваться, а информанты – оставаться в своем городе). В худшем случае (и такие были в практике) студенты могут замыкаться и рационализировать процесс общения по принципу «Я знаю, как вынуть нужную информацию из человека».

Конечно, здесь уместно спрашивать, как приезд 10–15 человек, активно интересующихся жизнью сообщества, влияет на жизнь этого самого сообщества (и как ситуация каждого конкретного интервью влияет на информанта). Но можно ли минимизировать последствия получения «травматического опыта»? Они неизбежны в силу специфики метода, но в какие-то моменты влияют на личность исследователя. Например, кто-то может обвинить тебя в шпионаже и закрыться, и тогда в дальнейшем начинаешь руководствоваться только категорией «вызываю доверие/нет» при входе в поле и проработке легенды (из личного опыта). Или человек отказывается от проведения интервью в пользу количественных методов, потому что смотреть и слушать «невыносимо» (из опыта студентов). Либо любой трагический или несправедливый случай из истории города и биографий его жителей объясняется по принципу «Ну, так это устроено здесь, к сожалению» (из опытов многих). Как связаны исследовательская беспристрастность (как одно из требований

и критериев профессионализма), доброта-честность и черствость? Почему желание срочно встать и что-то делать с проблемой информанта после проведения интервью – это хорошо, а нежелание общаться с людьми и как можно скорее выйти из интервью даже в ущерб его качеству – это плохо и недопустимо, ведь это следствия все того же эмоционального опыта?

«Эмоциональный труд» полевица пока слабо артикулирован среди теоретиков и практиков. Нельзя от него откеститься, потому что в интервью мы руководствуемся не только формальной процедурой. Попытка отгородиться методологической стеной и щитом из гайда просто не выдерживает натиска обычной человеческой коммуникации.

Поле всячески запутывает наши чудесные построения и подвергает мучительным переживаниям. Но именно там и нигде больше есть вопросы на наши ответы. Почти невозможно (да и не всегда необходимо) заниматься хирургическим разделением себя-в-исследовании и себя-вне-исследования, они всегда будут связаны. Можно (и необходимо) отдавать себе в этом отчет и делиться переживаниями с теми, кому мы способны их доверить.

Здесь должен следовать вывод с обнадеживающим напутствием, но вместо этого будет простой призыв: идите и исследуйте. Это не всегда исключительно мыслительный процесс.

Введение

Этнография традиционно считается особым методом для изучения культурных и субкультурных практик и повседневных взаимодействий. В реальности данная исследовательская стратегия обычно сводится к тому, что в процессе сбора данных исследователь не просто со стороны наблюдает за происходящим, но и сам в нем активно участвует¹, параллельно фиксируя все увиденное и услышанное². В результате «включение» в реальные жизненные ситуации приводит исследователя к пониманию субъективных смыслов тех или иных действий.

В строгом и классическом смысле проведение этнографического исследования подразумевает длительное пребывание «в поле». Известный антрополог и основатель этнографического метода Бронислав Малиновский отмечал, что присутствие исследователя может быть причиной неестественного поведения участников «поля». Это связано с тем, что изначально исследователь воспринимается местным сообществом как Чужой, к которому во многих культурах принято относиться с настороженностью. Лишь долгосрочное пребывание в поле может нивелировать этот эффект: через какое-то время люди привыкнут к исследователю и перестанут скрывать свое обычное поведение³.

Необходимость длительного нахождения в поле также связана с тем, что исследователю требуется время для понимания широкого социального контекста, в который вписаны

¹ В данном случае речь идет о том, что участие исследователя в происходящем приводит к производству совместного социального опыта исследователя и теми людьми, которых он изучает. Такое участвующее (этнографическое) наблюдение можно считать «включенным» с той оговоркой, что оно может иметь разную степень вовлечения исследователя в ситуацию. Подробнее см. Spradley J.P. Participant observation. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1980.

² Hammersley M., Atkinson P. Ethnography. Principles in Practice. 2nd ed. London: Routledge, 1995. P. 88–104.

³ Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

Полевая этнография: методология, этика и практика

Лариса Бархатова*

студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков» факультета социальных наук НИУ ВШЭ

определенные практики наблюдаемой культуры⁴. При этом, чем более далекими от его собственного опыта будут эти практики и представления, тем больше времени необходимо на погружение в изучаемое поле.

Сегодня классические «продолжительные» этнографии практикуются в основном в рамках культурной и социальной антропологии. В силу трудоемкости процедур такого длительного исследования в социологии большее распространение получили так называемые «краткие» этнографии⁵, которые предполагают проведение полевого этапа в относительно короткие сроки (несколько месяцев, недель или даже дней). Как правило, легитимность такой методологии основана на том, что для понимания относительно привычного культурного контекста исследователю требуется значительно меньше времени, чем антропологам, изучающим далекое социокультурное

поле⁶. Однако к такой аргументации есть достаточно много вопросов.

Методологические и этические проблемы краткой этнографии

Отталкиваясь от представленной в методологической литературе дискуссии относительно познавательных возможностей краткой этно-

графической между своей позицией объективного наблюдателя и субъективной позицией участника.

Другая проблема, с которой неизбежно сталкивается исследователь при проведении этнографического «поля», состоит в «индивидуализации» исследовательского опыта. Поскольку в этнографическом исследовании опыт взаимодействия с

участниками полевого исследования в некотором смысле уникален, даже погружение в одно и то же поле у разных исследователей может протекать по-разному⁸. К примеру, одному исследователю может открыться одна сторона поля, в то время как попадание туда другого исследователя ввиду его социального статуса (пола, возраста и т.д.) может быть ограничено.

В этнографическом исследовании опыт взаимодействия с участниками полевого исследования в некотором смысле уникален, даже погружение в одно и то же поле у разных исследователей может протекать по-разному

Проведение этнографического наблюдения также почти всегда сопряжено с этическими дилеммами. В качественном социологическом исследовании⁹ коммуникация между исследователем и информантом априори асимметрична: информант делится с ученым некоторыми фактами из своей жизни, но фактически ничего не получает в ответ¹⁰. Тот факт, что последний является источником получения необходимой информации, задает изначальную неэтичность ситуации. Поэтому основная задача процедурной этики – обе-

графии, мы выделили основные проблемы, которые есть в данной методологии.

Сокращение продолжительности полевого этапа до нескольких месяцев или дней ставит под сомнение реализацию базовых принципов этнографического исследования. Возникает множество вопросов относительно того, как в случае такого короткого поля можно успешно погрузиться в изучаемую среду, т.е. достичь максимального приближения к жизни изучаемого сообщества⁷.

Проблема усугубляется тем, что краткая этнография не исключает и типичных для этнографии сложностей. Находясь в активном взаимодействии с информантами, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью *соблюдать баланс*

* Автор выражает благодарность своему научному руководителю Ирине Козиной.

⁴ O'Reilly K. *Ethnographic Methods*. 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2012.

⁵ Другое название, которое можно также встретить в литературе – «фокусированные» этнографии.

⁶ Fusch P., Fusch G., Ness L. How to Conduct a Mini-Ethnographic Case Study: A Guide for Novice Researchers // *The Qualitative Report*. 2017. Vol. 22. No. 3. P. 923–941.

⁷ Fetterman D. M. *Ethnography: Step-by-step*. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2009.

⁸ Климов И.А. Размышления о полево́м шоке // *Социальная реальность*. 2008. № 3. С. 87–99.

⁹ В данном случае асимметрия положения исследователя и информантов свойственна всей качественной социологии, а не только этнографии. Однако именно в этнографическом исследовании она принимает наиболее ярко выраженный характер.

¹⁰ Воронков В. Размышления о полево́м исследовании // *Социолог в поле: уйти, чтобы остаться* / под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009.

Особый интерес представляет изучение того, как указанные проблемы решаются в исследовательской практике, которая также является одним из источников для развития методологии

спечить защиту информанта, которая достигается за счет соблюдения ряда принципов и правил проведения исследования: анонимности, конфиденциальности, информированного согласия и др.¹¹

Обозначенные проблемы пока не нашли решения в научной литературе. Рекомендации, которые содержатся в учебных материалах по этнографии, носят общий характер и, в основном, опираются на классические работы. Поэтому особый интерес представляет изучение того, как указанные проблемы решаются в исследовательской практике, которая также является одним из источников для развития методологии.

Методология исследования

В настоящей статье мы обращаемся к анализу исследовательских практик, связанных с проведением кратких этнографий в российском контексте. Основным методом сбора данных стали полуформализованные *интервью с экспертами* – российскими социологами, имеющими опыт проведения кратких этнографических исследований.

Критерием «экспертности» являлось наличие публикаций в ведущих российских и зарубежных журналах или презентации на научных конференциях результатов этнографических исследований¹². Кроме

¹¹ Веселкова Н.В. Об этике исследования // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 109–114.

¹² В данном случае речь идет о социологических этнографических исследованиях, реализованных в формате кратких этнографий. Антропологические и междисциплинарные исследования в данной работе рассматриваться не будут.

того, дополнительно требовалось, чтобы минимальный стаж работы эксперта в качественной социологии был не менее пяти лет.

Сбор эмпирических данных в заявленном исследовании осуществлялся в период с декабря по апрель 2017 г. Поиск информантов проводился посредством личных знакомств, которые дополнялись контактами исследователей, найденными в программах научных мероприятий, проходящих в Москве в период проведения «поля».

Эмпирическую базу исследования составили 13 интервью с социологами, работающими в ведущих российских университетах и исследовательских компаниях. Были опрошены представители различных направлений прикладной социологии, что позволило получить наиболее комплексный взгляд на изучаемую проблему.

Проблемы применения краткой этнографии в условиях российского поля

Обозначенные выше проблемы вхождения в короткое поле, соблюдения баланса, индивидуализации исследовательского опыта и этических дилемм являются типичными для кратких этнографий. Однако в зависимости от культурного и социального контекста эти проблемы могут по-разному выражаться на практике.

В российских реалиях наиболее острой проблемой оказывается установление контактов с участниками поля. Из-за *низкого уровня институционального и межличностного доверия* в обществе исследователь нередко отождествляется с образом ревизора, который приехал с проверкой. Многим из опрошенных нами экспертов приходилось сталкиваться с подобными обстоятельствами. При этом попытки переубедить людей в обратном часто оказываются безуспешными: они продолжают верить в то, что социолог – это замаскированный проверяющий.

Проблема в данном случае состоит в том, что принятие исследователя за проверяющего приводит к заведомому сокрытию части информации¹³. У людей появляется желание показать себя с лучшей стороны, в то время как исследователи заинтересованы в изучении реальных, рутинных практик. Единственное преимущество, которое может вынести социолог из этой ситуации, – это то, что его присутствие и расспросы будут терпеть.

Другая сторона проблемы связана со сложностью *выбора подходящей исследовательской роли*. С одной стороны, так как основной целью полевого этапа является сбор данных, сконструированный исследователем собственный образ не должен от-

Безусловно, наиболее этичным является полное раскрытие исследовательских целей, но это зачастую создает дополнительные сложности в мотивации информантов

пугивать людей от участия в исследовании. С другой стороны, допустим ли обман во благо науки? Ответ на этот вопрос каждый находит для себя сам. Безусловно, наиболее этичным является полное раскрытие исследовательских целей, но это зачастую создает дополнительные сложности в мотивации информантов. Убедить информанта поучаствовать в исследовании можно, указав на потенциаль-

¹³ «В российской культуре очень велика такая привычка культурная – организовывать, на всякий случай, потемкинские деревни, я уж не говорю траву красить, хотя и такие случаи были. Правда, это когда не нас встречали, а кого-то другого. Но вот эта вот привычка проверяющим и тем, кого прислало начальство, показать все с лучшей стороны – вот это, конечно, было. Когда ты элементарно целый день берешь интервью, и тебя приглашают покушать на обед, тебя стараются привести не в ту столовую, где кушают, например, рядовые люди, а обязательно в ту, которая для руководителей».

ную практическую полезность его результатов для данного сообщества и его общую социальную значимость. Но и здесь не все так однозначно. Из-за нехватки административных, властных и других ресурсов социолог может только пообещать донести проблему до представителей власти и общественного обсуждения¹⁴.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как на практике *соблюдаются этические нормы* в этнографических исследованиях. Несмотря на то что многие из опрошенных нами экспертов стараются рассказывать информантам о существующих процедурных правилах проведения исследований, зачастую следовать этим правилам не всегда возможно. Например, одним из проблемных сюжетов является получение информированного согласия на диктофонную запись. Как поступить исследователю в ситуации, когда информант не дает своего согласия? С точки зрения норм процедурной этики исследователь должен отказаться от нее. Однако в этнографическом поле бывают ситуации, когда «язык» местного сообщества оказывается настолько самобытен, что

запись выступает единственным способом фиксации социального контекста, хотя формально правила академической этики запрещают этого делать.

Таким образом, опыт российских социологов еще раз подтверждает тот факт, что проведение этнографического поля, особенно в кратком варианте, сопряжено с множеством неизбежных для такого типа исследований сложностей, которые необходимо научиться каким-то образом преодолевать.

Правила и техники полевой работы

Описав спектр проблем, с которыми сталкиваются российские социологи в своей исследовательской практике, необходимо разобраться с тем, как они их решают. На основе проведенных интервью мы выделили ключевые исследовательские приемы, кото-

рые используют российские социологи для обеспечения более быстрого включения в поле. Базовое правило, которого придерживаются опрошенные эксперты, – доброжелательное отношение к ин-

формантам. Поскольку исследователь – это тот, кто приехал изучать Других, необходимо соблюдать социальные нормы, принятые в этом сообществе. Нельзя осуждать информантов, даже если они совершают или говорят нечто недопустимое.

самобытен и необычен по лексике, что она его никогда не воспроизведет и не запомнит даже.... Это другая среда. Она использует совсем другие обороты ... Ты не запомнишь. И она тогда начала время от времени включать диктофон на телефоне».

Опыт российских социологов еще раз подтверждает тот факт, что проведение этнографического поля, особенно в кратком варианте, сопряжено с множеством неизбежных для такого типа исследований сложностей, которые необходимо научиться каким-то образом преодолевать

Кроме того, исследователь должен с пониманием относиться к проблемам изучаемого сообщества. До начала полевой работы желательно войти в курс происходящего, изучить публикации в СМИ, социальных сетях и т.д. Знание фактологии и демонстрация реального интереса к проблемам конкретных людей (мы назвали этот исследовательский прием техникой «экспертной коммуникации») помогает расположить к себе участников поля и создать более доверительные отношения.

Нередко для налаживания контакта продуктивным оказывается «подчеркивание идентичности». Это может выражаться в указании на общность опыта переживания какого-либо события, пребывания на определенной территории и проч.¹⁶ Идентичность может выстраиваться как вокруг индивидуальных, так и вокруг групповых черт, определяющих близость исследователя к миру информанта. Частным случаем «подчеркивания идентичности» является исследовательская техника «местного языка». Суть ее состоит в освоении и использовании словаря участников поля – привычных для них слов и выражений¹⁷. В противном случае инфор-

¹⁶ «Наверняка у Вас, наверное, есть и у Ваших знакомых есть случаи, когда детские опыты остаются на всю жизнь, и Вы потом их вспоминаете... Поэтому закидывая в пространство разговора какую-то историю на релевантную тему, которая Вас же и раскрывает... Это всегда открывает двери».

¹⁷ Известный антрополог Клиффорд Гирц называл такие выражения «близкими-к-опыту»

На основе проведенных интервью мы выделили ключевые исследовательские приемы, которые используют российские социологи для обеспечения более быстрого включения в поле

у исследователя могут возникнуть трудности не только с пониманием, но и с запоминанием услышанного¹⁵. В данном случае диктофонная

¹⁴ «Психолог душу тебе полечит, священник ее спасет... У всех свои компетенции. Даже со следователем, да, ты тоже можешь быть искренним, потому что ты веришь или тебя убедили, что чистосердечное признание облегчит твою участь,... А кто такой социолог? Почему ты, собственно, с ним должен про это беседовать?»

¹⁵ «Т.е. в какой-то момент в некоторых случаях, она понимала, что рассказ настолько

манты могут не понять смысл тех терминов, которыми оперирует социолог, и трактовать их неправильно.

Тем не менее, не всегда для установления доверительных отношений с информантами можно ограничиться набором определенных коммуникативных техник. В ряде случаев от исследователя могут потребоваться более специфические действия. Например, это может быть оказание сильной помощи информантам (этот прием мы назвали «техникой кооперации»). Как правило, оказание небольших бытовых услуг очень ценится людьми, и они становятся более откровенными в общении с исследователем.

Однако несмотря на то что этнографическое наблюдение предполагает активное участие исследователя в жизни изучаемой социальной группы, во избежание возможных проблем эта активность все-таки должна иметь определенные границы. В частности, не стоит злоупотреблять гостеприимством своих информантов, поскольку это может привести к недопустимому сокращению дистанции между исследователем и информантами и перевести отношения на более личный уровень¹⁸.

Представленное описание может создавать впечатление конформности и пассивности роли полевого исследователя. Однако фокусировка экспертов на подобных чертах профессиональной идентичности ско-

понятиями, с помощью которых люди сами описывают свой жизненный опыт. Подробнее см. Гирц К. С точки зрения туземца // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 1996. С. 89–94.

¹⁸ «Один наш коллега, который в Питере работал и интервьюировал дворянскую семью ... так с ними и подружился. Он кого-то крестил, у кого-то был на дне рождения. И фактически эта ситуация не позволяла ему занять дистанцию по отношению к объекту своего анализа. Т.е. чтобы написать аналитической отчет, надо выйти из поля. Он же в нем просто потонул».

Не всегда для установления доверительных отношений с информантами можно ограничиться набором определенных коммуникативных техник. В ряде случаев от исследователя могут потребоваться более специфические действия

рее указывает на особую важность этих аспектов полевой работы.

Заключение

В российском контексте ключевой проблемой коммуникации между исследователем и участниками поля является установление контакта. Из-за низкого уровня институционального и межличностного доверия в современном российском обществе выстраивание доверительных отношений с информантами дается исследователям с большим трудом. В российской практике социологи часто маркируются участниками поля как потенциально опасные Чужие, имеющие не вполне понятные для них цели. От этого российским исследователям нередко приписывают образ ревизора, приехавшего с проверкой. Как при любой проверке, это провоцирует желание показать себя в лучшем свете и скрыть от исследователя реальные социальные практики.

Чтобы достичь необходимой для понимания ситуации включенности в условиях короткого поля, исследователи вынуждены прибегать к особым методическим приемам и техникам.

Так, до выхода российские социологи настоятельно рекомендуют познакомиться с образом

жизни изучаемого сообщества: посмотреть новости, почитать местные СМИ и проч. Знание фактов, а также демонстрация реального интереса к проблемам сообщества может помочь исследователю расположить к себе информантов.

Другой исследовательский прием, которым пользуются российские социологи в полевой работе, – демонстрация общей идентичности с изучаемым сообществом. Если жизненный опыт исследователя пересекается с опытом

информантов, это может стать эффективным способом для налаживания контактов.

Однако эксперты предостерегают от чрезмерного вовлечения в поле. В этнографическом поле это может привести к потере этнографической дистанции, что в конечном счете ставит под сомнение возможность корректного завершения исследования.

В качестве направлений для дальнейших исследований мы предлагаем сравнить выделенные нами комбинации методологических решений, в наибольшей степени релевантные формату кратких этнографий, с другими формами современной этнографии: коммерческой этнографией, нетнографией, мобильной этнографией и т.д. На наш взгляд изучение различий в методологии различных типов этнографии поможет углубить понимание того, как можно преодолеть ключевые проблемы проведения этнографического поля.

В российской практике социологи часто маркируются участниками поля как потенциально опасные Чужие, имеющие не вполне понятные для них цели. От этого российским исследователям нередко приписывают образ ревизора, приехавшего с проверкой